

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

СЛОВОМ ДУШИ КОСНУТЬСЯ

Прикосновение к Пушкину не бывает бесследным: припомнишь давно знакомую строку, перечтешь любимую страницу — и не вдруг, а постепенно и незаметно мысли твои примут неожиданный поворот, а чувства настроются на, казалось бы, недоступный им лад. Общайся с Пушкиным, неизбежно работаешь над самим собой, и это столь же сложно, сколь необходимо каждой душе. Я убедился в этой истине сызнова, услышав по радио «Станционного смотрителя» в трактовке Игоря Дмитриева.

Вдумчивый и неспешный голос, с ровными интонациями и выразительным тембром, рассказывал повесть так доверительно, что, казалось, его речь обращена к какому-то одному слушателю, самому близкому собеседнику: «Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а во всем виноват смотритель... Сия столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и в слыхом сребролюбивые...» История Самсона Вырина, знакомая со школьной скамьи, захватывала, как впервые слышанная, и не единое слово не касалось уха без того, чтобы не коснуться души.

Высокая классика занимает в творчестве заслуженного артиста РСФСР Игоря Борисовича Дмитриева ведущее место. Многие зрители по сию пору помнят его Нехлюдова в инсценировке романа А. Толстого «Воскресение», образ, созданный еще в бытность артистом Театра имени В. Ф. Комиссаржевской. Позднее он блистательно исполнил все роли в драме М. Лермонтова «Маскарад», которую играл в жанре театра одного актера. А его радиозаписи повестей Н. Гоголя? А русская поэзия? Ведь иные стихи Языкова, Баратынского, Некрасова, прочитанные на радио, трудно себе представить без голоса Игоря Дмитриева...

Русская классическая литература стала для артиста лучшим из его духовных учителей, научив ценить слово как главное из всех средств идейного воздействия на зрительскую аудиторию. И не потому ли И. Дмитриев, прошедший школу МХАТа, придает такое значение самой форме актерской речи? Совершенная дикция, необычайный темп — ритмовый диапазон, разнообразие интонаций дмитриевского голоса позволяют не только передавать тончайшие оттенки мыслей, но и выражать сложнейшую гамму человеческих эмоций: от самого просветленного мажора до подлинно трагических состояний души. Я ничуть не приукрашу правды, сказав, что мастерское владение актерской речью отличает И. Дмитриева от многих популярных теперь киноактеров, которые в первую очередь полагаются на мизансценические эффекты, на выигрышную мимику, на модное нынче «кинопеняе», отводя слову лишь второстепенную роль. Не это ли искусство речи обеспечивает актеру неизменный успех, когда он дублирует на русский язык замечательных зарубежных актеров? Так, он оказался достойным сподвижником Витторио де Си-

ка в фильме «Итальянец в Америке», американского актера Хьюма Кронина в фильме «Конрак». Одной из самых больших удач артиста было дублирование английского актера Ричарда Чемберлена в картине «Железная маска». Должно быть, многие узнали голос Игоря Дмитриева в таких лентах, как «Майерлинг», «Тайна яхты „Айвенго“», «Трое на снегу», «Леда Каролина Лэм», и во многих других.

...Словно дети малые, хохочут зрители — в клубном зале воинской части крутятся ролик из фильма «Зеленая карета» с участием И. Дмитриева, исполняющего роль комика Николая Дюра. Герой выделяет головокружительные ант-

раша, всяческие пируэты и кабриолы, в самозабвении порхает то вдоль, то поперек кинокадра! Неужели это тоже Игорь Дмитриев? Ни дать ни взять профессиональный танцовщик или эквилибрист. Но мгновение спустя в зале наступает немая тишина: Николай Дюр вступился за Варю Асенкову — ведь с ней, выдающейся русской актрисой, антрепренеры обошлись, как с последней прислужкой! Маска комика снята. На экране крупным планом исполненное суровой красоты лицо человека, не желающего более поясничать на потеху толстосумам, а там будь что будет! Кадры потасали. Артист выходит к зрителям... И по этой буре аплодисментов, по этим все еще сосредоточенным взглядам своих подшефных понимает, что дело сделано — его герой воспринят солдатами воинской части как «свой парень в доску». А потом И. Дмитриев без устали отвечает на вопросы о «киношных» тайнах, импровизирует на темы сыгранных ролей, непременно читает стихи о Ленинграде.

Умение общаться со зрителем на равных, но без вошедшего сейчас в моду пафоса, быть простым, но не упрощенным — замечательное свойство И. Дмитриева, никогда не забывающего о своей миссии пропагандиста Прекрасного. Даже в самом облике артиста, в его одежде есть нечто от той внешней красоты, которая тотчас выдает в нем человека искусства. Выйти к зрителю в рабочей кожанке или потертой замше, в закрытом свитере вместо сорочки с галстуком — это не для И. Дмитриева. Он не из любителей заигрывать с публикой, избира-

жая будничность. Для него каждый выход к своему зрителю есть праздник.

Из шестидесяти ролей, сыгранных И. Дмитриевым на экране, отнюдь не каждая запомнилась зрителю да и самому актеру. Но в историю отечественного кино уже вошли некоторые из них, неброско и не в первой строке титров обозначив имя одного из самых популярных исполнителей. Вспомним Листницкого в «Тихом Доне» (1956 год, год кинематографического дебюта артиста), Елисатова в «Любови Яровой», Александра Блока в «Днях Октября», Бонч-Бруевича в «Доверии», Прибыткина в «Строговых»... А совсем недавние удачи И. Дмитриева в таких детективах, как «Голубой карбункул», «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», «Приключения принца Флоризеля»... Порой это роли почти эпизодические, всего на несколько минут экранного времени.

Именно такие роли мне почему-то и предлагаются чаще всего, — сознается мой собеседник без тени огорчения. — Позвонит какой-нибудь режиссер, сокрушаясь и оправдываясь: мол, текста в роли совсем нет, но вместе с тем нужен яркий характер, нужно «лицо с конкретной биографией». И я соглашаюсь. Мне по душе преодолевать условность персонажа, наполняя роль фантазированным содержанием. Я люблю не столько момент самой съемки, сколько предшествующий ей процесс, когда роль «оживает», вбирая в себя частицу моего эмоционального и интеллектуального опыта. Так я естественно оказываюсь активным соавтором и сценариста, и режиссера.

Активное творческое начало неизменно проявляется в любом деле, за которое берется артист. Разве можно теперь представить себе цикл радиопередач «В легком жанре» без Игоря Дмитриева? А ведь он не просто ведет передачу. Он всегда находится в образе, воссоздавая с редкостью точности стиль эпохи, о которой идет речь, четко выражая свое собственное отношение к той или иной музыке, позволяя себе остроумно и метко подшучивать над псевдомеломанами, для которых музыка — это лишь шумовой фон их бытия, своего рода веселье с тоски. Возможно, слушатели цикла «В легком жанре» и не подозревают, что их любимый артист, столь заинтересованно ведущий передачи о диско-музыке, о «Битлз» и рок-группах, является одновременно страстным почитателем и знатоком возвышенной классики. Он не мыслит себя без мелодий Моцарта, Генделя, Шумана. Что же касается симфоний Чайковского, то они, по убеждению артиста, должны быть необходимы каждому, кто воистину устремлен к добру и гармонии.

Киноактерист, в особенности популярных, принято изображать вечно спешащими. То они убегают на съемку, то их везут на кинопробу, то к ним явится корреспондент... Все это вполне относится и к будням Игоря Дмитриева. И тем не менее актер обладает талантом пристально выныкать в самую суть сегодняшних событий, легко срываясь с места во имя личного, осязаемого общения со своими зрителями. Он был среди первых, кто выступил перед героями БАМа. Его полюбили в Комсомольске-на-Амуре. Не дожидаясь, пока киноценаристы «осчастливят» его понастоящему хорошей, интересной ролью, он сейчас готовит для своей очередной поездки «в глубинку» пушкинскую программу: «Моцарт и Сальери», «Пиковая дама», лицейские стихи...

Ю. ОРОХОВАЦКИЙ